

EDN: VLBQBH
УДК 332.14

Integration of Socio-Economic Space and Direction of Development of Angara-Yenisei Macroregion

Nikolai G. Shishatskiy*, Elena A. Bryukhanova
and Olga S. Nagaeva

*Institute of Economic and Industrial Engineering SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 21.10.2024, received in revised form 08.11.2024, accepted 18.11.2024

Abstract. We analyze the issues of spatial development of the Angara-Yenisei macroregion (AYMR). It is concluded that the development of the macroregion occurs on an unbalanced basis: the current territorial structure of production is characterized by the weak development of urban agglomerations that perform supporting basic functions in the settlement system, a relative and absolute reduction in the size of the resident population, and limited development of non-resource sectors of the economy focused on creating a variety of products with high added value. This is largely a consequence of the historical contradictions between the rich resource base and lower incomes of the population and regional budgets of the AYMR. The article examines possible scenarios for the spatial development of the Angara-Yenisei macroregion, taking into account the growing potential of interregional integration and large-scale technological modernization of the economy. Strengthening interregional relationships and spatial integration, based on the development of competitive industries in the energy and resource sector, can provide serious impetus for the development of the regional economy, including the innovation sector. The authors examined the necessary changes in the institutional conditions in which investment processes of resource development and economic activity take place.

Keywords: socio-economic space, urbanization, clusters, economic zoning, macroregions, mesoregions, Angara-Yenisei macroregion, socio-economic development scenarios, transport framework of the macroregion.

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project 5.6.3.2. (0260–2021–0005) “Driving forces and mechanisms of cooperation and integration processes in the economy of Siberia” (No. 121040100279–5).

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Regional and Sectoral Economics.

Citation: Shishatskiy N. G., Bryukhanova E. A. and Nagaeva O. S. Integration of socio-economic space and direction of development of Angara-Yenisei macroregion. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(12), 2504–2517. EDN: VLBQBH

Интеграция социально-экономического пространства и направления развития Ангаро-Енисейского макрорегиона

Н.Г. Шишацкий, Е.А. Брюханова, О.С. Нагаева

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
Российская Федерация, Новосибирск*

Аннотация. Исследуются вопросы пространственного развития Ангаро-Енисейского макрорегиона (АЕМР). Сделан вывод о том, что развитие макрорегиона происходит на несбалансированной основе: сложившаяся территориальная структура производства характеризуется слабым развитием городских агломераций, выполняющих опорные базовые функции в системе расселения, относительным и абсолютным сокращением численности постоянного населения, ограничением развития несырьевых отраслей экономики, ориентированных на создание разнообразной продукции с высокой добавленной стоимостью. Во многом это является следствием исторически сложившихся противоречий между богатой ресурсной базой и пониженными доходами населения и региональных бюджетов АЕМР.

В статье рассмотрены возможные сценарии пространственного развития Ангаро-Енисейского макрорегиона с учетом нарастающего потенциала межрегиональной интеграции, масштабной технологической модернизации экономики. Усиление межрегиональных взаимосвязей и пространственной интеграции с опорой на развитие конкурентоспособных отраслей энергосырьевого сектора может обеспечить серьезные импульсы для развития региональной экономики, включая инновационный сектор. Для этого требуется совершенствование институциональных условий, в которых протекают инвестиционные процессы освоения ресурсов и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, урбанизация, кластеры, экономическое районирование, макрорегионы, мезорегионы, Ангаро-Енисейский макрорегион, сценарии социально-экономического развития, транспортный каркас макрорегиона.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2. (0260–2021–0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» (№ 121040100279–5).

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

Цитирование: Шишацкий Н. Г., Брюханова Е. А., Нагаева О. С. Интеграция социально-экономического пространства и направления развития Ангаро-Енисейского макрорегиона. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(12), 2504–2517. EDN: VLBQBH

Введение в проблематику исследований

Ангаро-Енисейского макрорегиона

Ангаро-Енисейский макрорегион как единое экономическое пространство сформировался в 1950–1980-е гг. XX века в результате реализации крупного народнохозяйственного проекта освоения уникальных гидроэнергетических, лесных и минеральных ресурсов бассейна Ангары и Енисея.

Первые научно-исследовательские работы, связанные с поиском рациональных подходов к освоению ресурсов Ангаро-Енисейского региона, относятся к концу XIX – началу XX века (Trudy ..., 1908).

Более широкий и системный характер научно-исследовательской работы приняли в конце 1920-х гг., когда Ангаро-Енисейская проблема была возведена в ранг крупной общегосударственной задачи. Исследовательские работы по Ангаре были развернуты в 1931–1935 гг. на базе специально созданного для этих целей Ангарского бюро Гидроэнергопроекта (под руководством профессора Малышева В.М.). Составленные схемы использования энергии Ангары и Енисея предусматривали сооружение на них 17 ГЭС общей мощностью 18,5 млн кВт с годовой выработкой 120 млрд кВт-ч электроэнергии. В рамках Ангаро-Енисейской программы большое внимание уделялось геологическому изучению углей Канско-Ачинского и Минусинского угольных бассейнов. Высказывалась идея создания на их базе крупного топливно-энергетического комплекса (Malyshev, 1935; Angara-Yenisei problem, 1932).

Война помешала продолжению исследований и их реализации, лишь в послевоенные годы появилась возможность вернуться к изучению проблем развития производительных сил АЕМР (Materialy Konferencii, 1947; Razvitie proizvoditel'nyh sil, 1960).

Реализация намеченных планов началась с сооружения Иркутской ГЭС (660 МВт) (1950–1958 гг.). В 1954–1966 гг. была пущена Братская ГЭС (4500 МВт), в 1963–1990 гг. – Усть-Илимская ГЭС (3840 МВт). По мере освоения гидроэнергетического потенци-

ала Ангары происходило формирование промышленных узлов и территориально-производственных комплексов – Иркутско-Черемховского и Братско-Усть-Илимского.

После ввода Красноярской ГЭС на Енисее (6000 МВт) (1956–1971 гг.) индустриальным флагманом Ангаро-Енисейского региона в 1971–1990 гг. стал Красноярский край. Реализация планов промышленного строительства в крае в период 1971–1990 гг. вошла в историю под названием «красноярские десятилетки», получившие одобрение и поддержку на уровне высших органов власти страны:

– первая десятилетка (1971–1980 гг.) (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 01.02.1971 № 65 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края»);

– вторая десятилетка (1981–1990 гг.) (Постановление Совета Министров РСФСР от 25.02.1981 № 109 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1981–1990 годах производительных сил Красноярского края»).

Эти постановления представляли собой серьезные и масштабные программы социально-экономического развития региона, предусматривали крупные капитальные вложения, опирались на масштабные инновационные организационные и технологические научные подходы и решения, которые обсуждались научной общественностью и представителями органов государственного управления, в том числе на всесоюзных конференциях по развитию производительных сил Сибири.

По сути, именно с этого времени можно говорить о начале практической реализации Ангаро-Енисейского проекта, определившего будущее Восточной Сибири до конца XX века и играющего важнейшую роль для современной России в начале XXI века. В реализации Ангаро-Енисейского проекта ключевую роль играли Иркутская область и Красноярский край. Обе территории обладали уникальным набором природных ископаемых, зачастую дополняющих друг друга, но при этом во многом конкуриро-

вали между собой в борьбе за получение преимуществ при распределении ограниченных финансовых ресурсов государства.

После распада СССР Ангаро-Енисейский макрорегион, как и другие регионы Сибири, пережил период упадка и превратился в периферийную ресурсную территорию. В 1990-е гг. регион впал в глубокий экономический кризис, потеряв 13 % своего населения и свыше 60 % тяжелой промышленности. Ситуация стала меняться к лучшему в начале 2000-х гг., когда экономика страны перешла к восстановительному росту, который характеризовался общим оживлением мировой экономики, усилением регулирующей роли государства и ростом государственного сектора, особенно в добывающих отраслях.

В 2010-е гг. начался новый этап развития – этап управляемого (регулируемого) роста, основанного на активизации государственного участия в процессах развития, аккумуляции государством значительных финансовых ресурсов и применении элементов стратегического государственного планирования с использованием механизмов ГЧП.

В этот период произошла переоценка стратегических приоритетов пространственного развития страны, усилилось внимание федерального центра к перспективам развития Сибири и Дальнего Востока¹. В 2013 г. опережающее развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока было объявлено национальным приоритетом России на весь XXI век².

В последующие годы (2013–2022 гг.) были приняты несколько крупных государственных программ и стратегий развития, направленных на достижение этой цели (Восточную Сибирь и Ангаро-Енисейский

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года (распоряжение от 5 июля 2010 года № 1120-р.). URL: <http://government.ru/docs/32366/> (дата обращения 10.08.2024).

Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (распоряжение от 28 декабря 2009 года № 2094-р.). URL: <http://government.ru/docs/33593/> (дата обращения 10.08.2024).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения 10.08.2024).

макрорегион учли в них лишь частично – включили Иркутскую область как часть Байкальского региона и Арктическую зону Красноярского края, но не включили центральные и южные районы Красноярского края, республики Тыву и Хакасию)³.

В целях повышения устойчивости и сбалансированности пространственного развития в 2019 г. разработана Стратегия пространственного развития России до 2025 г., которая опиралась на реально сложившиеся социально-экономические связи и предусматривала развитие в том числе Ангаро-Енисейского макрорегиона⁴.

В Стратегии обозначен подход к выделению общих территориальных границ АЕМР в пространстве и потенциала возможной внутренней кооперации его субъектов – Красноярского края, Иркутской области, Республик Тыва и Хакасия. Среди основных принципов выделения макрорегиона указаны такие параметры, как: территориальная близость, потенциал создания или наличие крупных межрегиональных инфраструктурных проектов, возможность межрегиональной кооперации, развитие транспортной доступности и связанности территории.

В то же время создание (выделение) Ангаро-Енисейского макрорегиона не привело к сколько-нибудь серьезным изменениям в механизмах его пространственного развития.

Отсутствие реальных механизмов реализации обесценивает целесообраз-

³ Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (распоряжение Правительства РФ от 29.03.2013 г. № 466-п). URL: <http://static.government.ru/media/files/41d47c374939347f6a73.pdf> (дата обращения 10.08.2024).

Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484). URL: <http://government.ru/docs/all/133682/> (дата обращения 10.08.2024).

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/31593409eddf606620f49806c6ce205/130219_207-p.pdf (дата обращения 14.10.2024).

ность разработки стратегий социально-экономического развития макрорегиона. Несмотря на прямое предписание правительства РФ о разработке подобных документов⁵, к настоящему времени в РФ не разработана ни одна стратегия макрорегионального развития, в том числе и стратегия развития АЕМР.

В 2023 г. была утверждена Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г.⁶ и план по ее реализации⁷, а проект Стратегии социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона до 2035 г., который обсуждался научным сообществом с 2021 г., так и не был доработан и утвержден.

Пространственные аспекты развития Ангаро-Енисейского макрорегиона: постановка проблемы, методы и исходные данные

Исследования отечественных и зарубежных ученых в области регионального развития дают основания считать, что межрегиональные взаимодействия могут выступать в роли акселератора развития соци-

альной и экономической сферы, увеличения товарооборота, расширения рынков сбыта, совместного потребления ресурсов, большего привлечения инвестиций. При этом эффект может формироваться на двух уровнях региональных систем: на уровне межрегионального взаимодействия и на уровне функционирования внутренних кластеров (Porter, 1998, Fritsch. 2003; Suslov, 2018; Lavrinenko, 2019; Pilyasov, 2021; Novyj impul's, 2023).

Вывод о необходимости управляемой координации деятельности субъектов РФ в рамках федеральных округов, совмещенных с крупными экономическими районами, и альянсов регионов-соседей является в определенной мере рекомендацией для разрешения критических ситуаций в пространственном развитии всей России, особенно в части «создания периферических зон концентрированной экономической деятельности, тяготеющих к крупным городским агломерациям» (Minakir, 2019; Khodachek, 2021; Kryukov, 2022).

Фактической основой исследования пространственных аспектов развития Ангаро-Енисейского макрорегиона являются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), нормативные документы, отчеты руководителей региональных (уровень субъектов Федерации) и муниципальных органов власти. Полученная информация была обработана методами выборки, статистического анализа и экспертных оценок.

Ангаро-Енисейский макрорегион (АЕМР) по площади занимает около 1/5 территории РФ и характеризуется очень низкой плотностью населения. Входит в тройку самых малозаселенных макрорегионов РФ – 1,79 человека на 1 кв. км (табл. 1).

Макрорегион отличается достаточно суровыми климатическими условиями, большой удаленностью от регионов Центральной России, слабо развитой транспортной сетью и высокими расходами на обеспечение жизни и экономической деятельности населения. Значительная часть территории макрорегиона (больше 80 %) относится к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 08 августа 2015 № 822 «Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов». URL: https://economy.gov.ru/material/file/156756eb936b30ad-2316b155ace64705/822_08082015.docx (дата обращения 14.10.2024);

Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2016 № 30 «Об утверждении Правил осуществления мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития макрорегионов». URL: https://economy.gov.ru/material/file/0094fc0587352656557fe9704e05d5b7/30_23012016.docx (дата обращения 14.10.2024)/

⁶ Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.01.2023 № 129-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTlxlgtuAM.pdf> (дата обращения 20.10.2023).

⁷ План реализации Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 16.10.2023 № 2846-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/2nItAyOJZwA2HuspkFjAhhv-3Jhm03Uk0.pdf> (дата обращения 20.10.2023).

Таблица 1. Рейтинг макрорегионов РФ по плотности населения на начало 2024 г.

Table 1. Rating of macro-regions of the Russian Federation by population density at the beginning of 2024

Рейтинг	Макрорегионы РФ	Плотность населения (чел./кв.км)	Площадь территории (тыс.кв.км)	Численность постоянного населения (тыс.чел.)
1	Центральный	69,00	483	33 291
2	Северо-Кавказский	60,09	171	10 251
3	Центрально-Черноземный	41,17	168	6 908
4	Южный	37,12	448	16 624
5	Волго-Уральский	27,52	502	13 815
6	Волго-Камский	27,53	535	14 726
7	Северо-Западный	17,82	680	12 122
8	Южно-Сибирский	10,63	990	10 525
9	Урало-Сибирский	6,74	1 819	12 262
10	Ангаро-Енисейский	1,79	3 372	6 042
11	Северный	1,71	1 007	1 719
12	Дальневосточный	1,13	6 953	7 866
	РФ в целом	8,53	17 125	146 151

Примечание – рассчитано на основе данных Росстата.

С учетом современного состояния и объективных предпосылок развития в Ангаро-Енисейском макрорегионе целесообразно выделить 12 экономических мезорегионов (территориальных образований промежуточного уровня), включающих группы территорий (городских округов и муниципальных районов), близких по своей географической дислокации, современной специализации, единства инфраструктурной сети, общности проблем и перспектив социально-экономического развития (табл. 2, рис. 1) (Shishatsky, 2024).

Выделенные мезорегионы характеризуются сильной дифференциацией показателей демографической и экономической плотности территории. В аналитических целях их можно разделить на три группы:

1) урбанизированные (Красноярский и Саяно-Иркутский мезорегионы) – с плотностью населения 20–40 чел./кв.км (уровень плотности населения, характерный для стран, занимающих 140–160 места в мировом рейтинге стран по этому показателю, в том числе таких, как США (33,9

чел./кв.км), Бразилия (23,8 чел./кв.км), Швеция (23,4 чел./кв.км));

2) слабо урбанизированные (Саяно-Енисейский, Ачинский, Канский, Верхне-Ангарский, Тулуно-Тайшетский мезорегионы) – с плотностью населения 2–7 чел./кв.км (уровень плотности, характерный для самых малозаселенных стран мира, в том числе таких, как Канада (4,0 чел./кв.км), Австралия (3,5 чел./кв.км), Монголия (2,24 чел./кв.км);

3) дисперсного и пионерного освоения (Нижне-Енисейский, Восточно-Таймырский, Нижне-Ангарский, Ангарско-Эвенкийский, Катангско-Верхнеленский) – с плотностью населения менее 1 чел./кв.км (табл. 3).

Преобладающая часть населения АЕМР проживает на урбанизированных территориях (49,6 %), на слабоурбанизированных территориях и в районах дисперсного и пионерного освоения – соответственно 41,3 и 9,1 % (табл. 4). Вместе с тем производство ВДС распределено по выделенным группам территорий практически равномерно: 33,0 % в урбанизированных

Таблица 2. Мезорегионы Ангаро-Енисейского макрорегиона
Table 2. Mesoregions of the Angara-Yenisei macroregion

№ п/п	Мезорегионы	Муниципальные образования
1	Нижне-Енисейский (Красноярский край)	Городской округ Норильск, муниципальные районы: Таймырский (Долгано-Ненецкий) (без сельского поселения Хатанга), Туруханский
2	Восточно-Таймырский (Красноярский край)	Сельское поселение Хатанга Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района
3	Нижне-Ангарский (Красноярский край)	Городские округа: Енисейск, Лесосибирск; муниципальный округ Пировский; муниципальные районы: Енисейский, Казачинский, Мотыгинский, Северо-Енисейский
4	Ангаро-Эвенкийский (Красноярский край)	Муниципальные районы: Богучанский, Кежемский, Эвенкийский
5	Ачинский (Красноярский край)	Городские округа: Ачинск, Боготол, Назарово, Шарыпово, ЗАТО Солнечный; муниципальные округа: Тюхтетский, Шарыповский; муниципальные районы: Ачинский, Балахтинский, Бирилюсский, Боготольский, Большеулуйский, Новоселовский, Ужурский
6	Красноярский (Красноярский край)	Городские округа: Красноярск, Дивногорск, ЗАТО Железногорск, Сосновоборск, ЗАТО Кедровый; муниципальные районы: Березовский, Большемуртинский, Емельяновский, Козульский, Манский, Сухобузимский
7	Канский (Красноярский край)	Городские округа: Канск, Бородино, ЗАТО Зеленогорск; муниципальные районы: Абанский, Дзержинский, Иланский, Ирбейский, Канский, Нижнеингашский, Партизанский, Рыбинский, Тасеевский, Саянский, Уярский
8	Саянско-Енисейский (Красноярский край, Республика Тыва, Республика Хакасия)	Республика Тыва, Республика Хакасия; южные территории Красноярского края – городской округ Минусинск; муниципальные районы: Ермаковский, Идринский, Краснотуранский, Каратузский, Курагинский, Минусинский, Шушенский
9	Катангско-Верхнеленский (Иркутская область)	Муниципальные районы: Баяндаевский, Бодайбинский, Жигаловский, Казачинско-Ленский, Катангский, Качугский, Киренский, Мамско-Чуйский, Усть-Кутский
10	Верхне-Ангарский (Иркутская область)	Городские округа: Братск, Усть-Илимск; муниципальные районы: Братский, Нижне-Илимский, Усть-Илимский
11	Тулуно-Тайшетский (Иркутская область)	Городские округа: Зима, Саянск, Тулун; муниципальные районы: Балаганский, Зиминский, Куйтунский, Нижнеудинский, Тайшетский, Тулунский, Чунский, Усть-Удинский
12	Саяно-Иркутский (Иркутская область)	Городские округа: Иркутск, Ангарский, Свирск, Усолье-Сибирский, Черемхово; муниципальные районы: Аларский, Боханский, заларинский, Иркутский, Нукутский, Ольхонский, Осинский, Слюдянский, Усольский, Черемховский, Шелеховский, Эхирит-Булагатский

районах, 31,7 % в слабо урбанизированных районах и 35,3 % в районах дисперсного и пионерного освоения.

Сложившаяся территориальная структура расселения и размещения производства имеет целый ряд недостатков:

– поляризация экономического развития затрудняет интеграцию и кооперирование различных отраслей и территорий макрорегиона;

– слабое развитие городских агломераций, выполняющих опорные базовые функ-

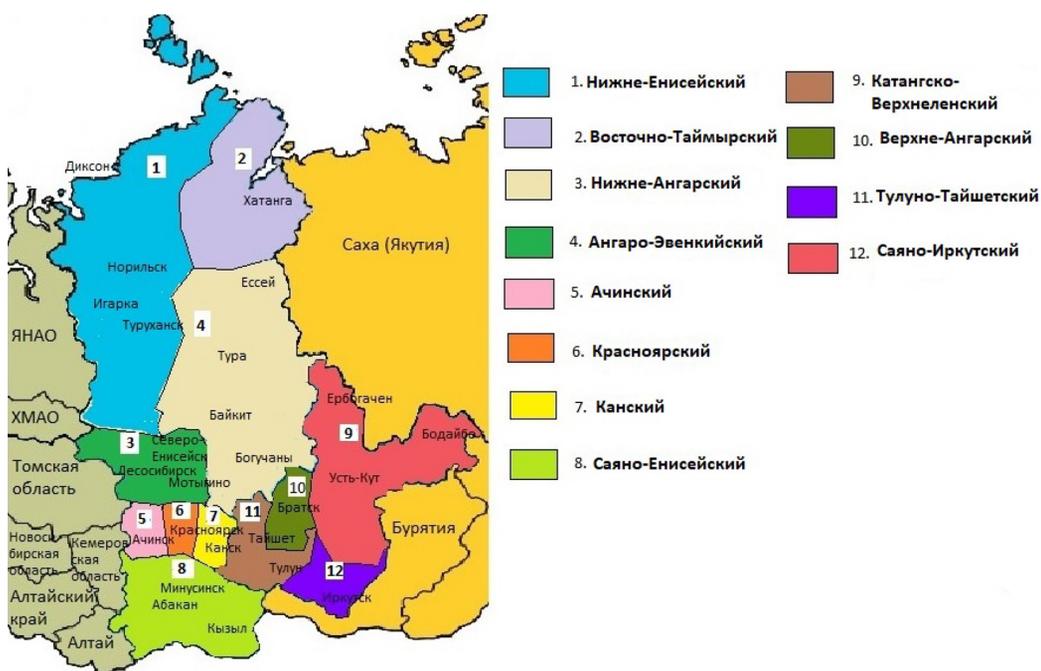

Рис. 1. Мезорегионы Ангаро-Енисейского макрорегиона
 Fig. 1. Mesoregions of the Angara-Yenisei macroregion

Таблица 3. Оценка плотности населения мезорегионов Ангаро-Енисейского макрорегиона (на 1.01.2024 г.)

Table 3. Estimation of the population density of the mesoregions of the Angara-Yenisei macroregion (as of 1.01.2024)

Мезорегионы	Плотность населения (чел./кв.км)	Площадь территории (тыс.кв.км)	Численность постоянного населения (тыс.чел.)
1. Группа урбанизированных мезорегионов			
Красноярский	41,46	36,8	1524,4
Саяно-Иркутский	19,05	77,3	1472,0
2. Группа слабо урбанизированных мезорегионов			
Ачинский	6,12	55,9	342,3
Канский	5,01	67,2	336,7
Верхне-Ангарский	4,58	87,3	399,7
Саяно-Енисейский	3,55	305,3	1084,2
Тулуно-Тайшетский	2,06	160,3	331,1
3. Группа мезорегионов дисперсного и пионерного освоения ресурсов			
Нижне-Ангарский	0,72	184,7	132,4
Катангско-Верхнеленский	0,28	449,9	127,7
Нижне-Енисейский	0,28	759,2	214,5
Ангаро-Эвенкийский	0,08	851,7	72,0
Восточно-Таймырский	0,02	336,4	5,2

Таблица 4. Пространственная структура расселения и производства ВДС в АЕМР (данные за 2022–2023 гг., оценка),%

Table 4. Spatial structure of settlement and production of GVA in the AEMR (data for 2022–2023, estimate),%

Территориальные группы мезорегионов	Численность населения	Численность занятого населения	ВДС	ВДС энергосырьевого сектора
1. Урбанизированные	49,6	49,5	33,0	7,0
2. Слабо урбанизированные	41,3	39,6	31,7	20,6
3. Дисперсного и пионерного освоения	9,1	10,8	35,3	72,4

ции в системе расселения и способных генерировать технологические, социальные и другие нововведения, замедляет распространение инноваций;

– широкое использование вахтовых форм занятости в районах дисперсного и пионерного освоения ресурсов сопровождается относительным и абсолютным сокращением численности постоянного населения, ограничением развития отраслей, ориентированных на его обслуживание.

Ситуация осложняется тем, что тенденции пространственного развития характеризуются усилением диспропорций. Так, увеличивается разрыв в плотности населения разных частей АЕМР: наблюдаются центростремительные тенденции роста численности и удельного веса урбанизированных территорий при снижении показате-

телей слабо урбанизированных мезорегионов (рис. 2).

Особенно деструктивным с точки зрения сбалансированности и комплексности развития является сохранение депрессивного состояния и уменьшение масштабов экономики и социальной сферы слабоурбанизированных мезорегионов (Саяно-Енисейского, Ачинского Канского, Верхне-Ангарского, Тулуно-Тайшетского). Численность проживающего в них постоянного населения снизилась за период 2002–2023 гг. на 484 тыс.чел. (16,3 %) в абсолютном выражении и на 5,2 п.п. (с 46,5 % в общей численности населения АЕМР в 2002 году до 41,3 % на начало 2024 г.).

Во многом это является следствием недофинансирования соответствующих территорий, отставания сферы социальных

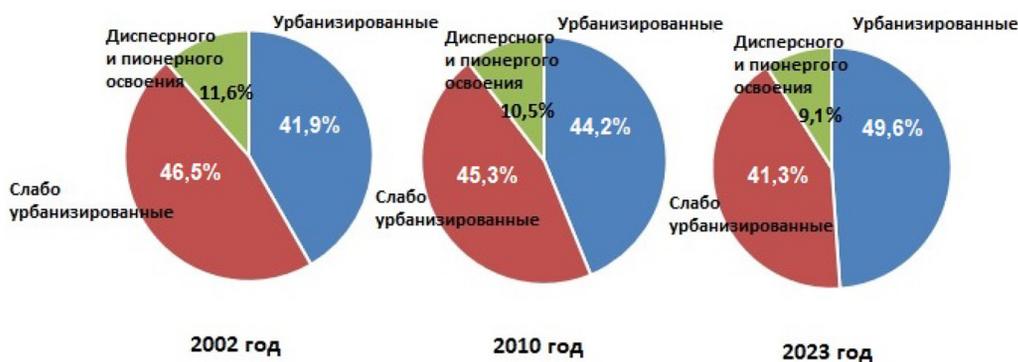

Рис. 2. Изменение удельного веса населения урбанизированных, слабоурбанизированных мезорегионов и мезорегионов дисперсного и пионерного освоения ресурсов в АЕМР

Fig. 2. Changes in the proportion of the population of urbanized, weakly urbanized mesoregions and mesoregions of dispersed and pioneer resource development in the AEMR

и инфраструктурных услуг (образование, здравоохранение, досуг и культура), низкой мобильности населения из-за недостаточных доходов и плохой транспортной доступности, сложностей трудоустройства. Противоречие между богатой ресурсной базой и пониженными доходами населения и региональных бюджетов АЕМР объясняется двумя основными причинами. Это, во-первых, не всегда оправданное перераспределение доходов экономической деятельности из периферии в центр (не только в московский, но и в центры макрорегиона – Красноярск и Иркутск). Во-вторых, коррекция прежних (плановых) методов освоения новых территорий и стимулирования переселения населения в малообжитые регионы в пользу узко коммерческих интересов на весьма ограниченных временных горизонтах.

Усиление межрегиональных связей и сценарии пространственного развития Ангаро-Енисейского макрорегиона: результаты и обсуждение

С учетом прогнозируемых ключевых вызовов и тенденций основные варианты долгосрочного социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона определяются степенью реализации следующих факторов:

- использованием сравнительных преимуществ освоения и разработки потенциально конкурентоспособных на российских и мировых рынках энергосырьевых ресурсов;
- интенсивностью инновационного обновления и развития секторов несырьевой экономики;
- модернизацией транспортной и энергетической инфраструктуры;
- развитием транспортно-транзитного потенциала макрорегиона (реализация магистральных проектов: Севсиба, СМП, жд Кызыл-Курагино и др.) и возможностями интеграции макрорегиона в российское и мировое экономическое пространство;
- справедливым распределением природной ренты и ее использованием в целях устойчивого комплексного социально-экономического развития регионов;

– успешностью формирования институтов развития, определяющих предпринимательскую и инвестиционную активность.

В зависимости от степени реализации этих факторов выделяются три сценария социально-экономического развития АЕМР в долгосрочной перспективе: консервативный (базовый), энергосырьевой (форсированный) и целевой (новые возможности).

Сценарии основываются на долгосрочных прогнозах российской экономики (целевой сценарий ИМП РАН (*Potencial'nye vozmozhnosti*, 2022; *Transformacija*, 2024), умеренно-оптимистический сценарий ИЭОПП СО РАН (*Novyj impul's*, 2024)), а также строятся с учетом различных инвестиционных приоритетов АЕМР.

Различие сценариев вытекает из внутренних факторов, разных механизмов регулирования экономики и направлений инвестирования, государственной политики развития и обеспечения региональной сбалансированности. Консервативный сценарий отражает доминирующие в настоящее время интересы в российской экономике (приоритет столичных регионов европейской части страны и экспорт сырья) и не предполагает полномасштабного перехода к новой модели развития. Ресурсы и уровень организации бизнеса и занятых в несырьевых секторах экономики значительно слабее, чем в энергосырьевых секторах Ангаро-Енисейского макрорегиона: более 1/2 занятых и 1/3 ВРП против 9,5 % занятых и 45,0 % ВРП в энергосырьевом комплексе.

Энергосырьевой сценарий позволяет экстенсивно нарастить темпы экономического роста за счет расширения масштабов вовлекаемых в хозяйственное использование природных ресурсов региона и развития энергосырьевого сектора экономики. При этом несырьевой сектор не получает необходимых для ускоренного роста ресурсов, а его доля в региональном ВРП снижается в 1,5 раза (с 33,7 % в 2025 г. до 26,4 % в 2040 г.).

Сценарий «Новые возможности» предполагает новую модель управления регио-

нальным развитием. В ее основе не только рост инвестиционной активности за счет использования преимуществ развития энергосырьевого сектора, но и аккумуляция дополнительной части создаваемых в макрорегионе доходов для создания инвестиционных фондов развития отраслей несырьевого сектора.

Такой механизм инвестирования предполагает подготовку и реализацию проектов по созданию в регионе высокотехнологичных производств, формирование цепочек добавленной стоимости по переработке сырья и создание кластеров несырьевого сектора экономики, рост численности занятых и постоянного населения, опережающий рост доходов.

Одним из ключевых направлений развития макрорегиона в сценарии «Новые возможности» является повышение внутрирегиональной связанности и транспортной доступности территориальных центров макрорегиона.

Каркас перспективных для реализации в первой половине XXI века транспортных проектов России, в том числе для восточных регионов страны, сформировался уже достаточно давно (рис. 3):

– строительство широтных грузообразующих железнодорожных магистралей – Северо-Сибирской (Севсиб) и Северного широтного хода (СШХ) для присоединения Норильска и арктических территорий региона к сети железных дорог страны;

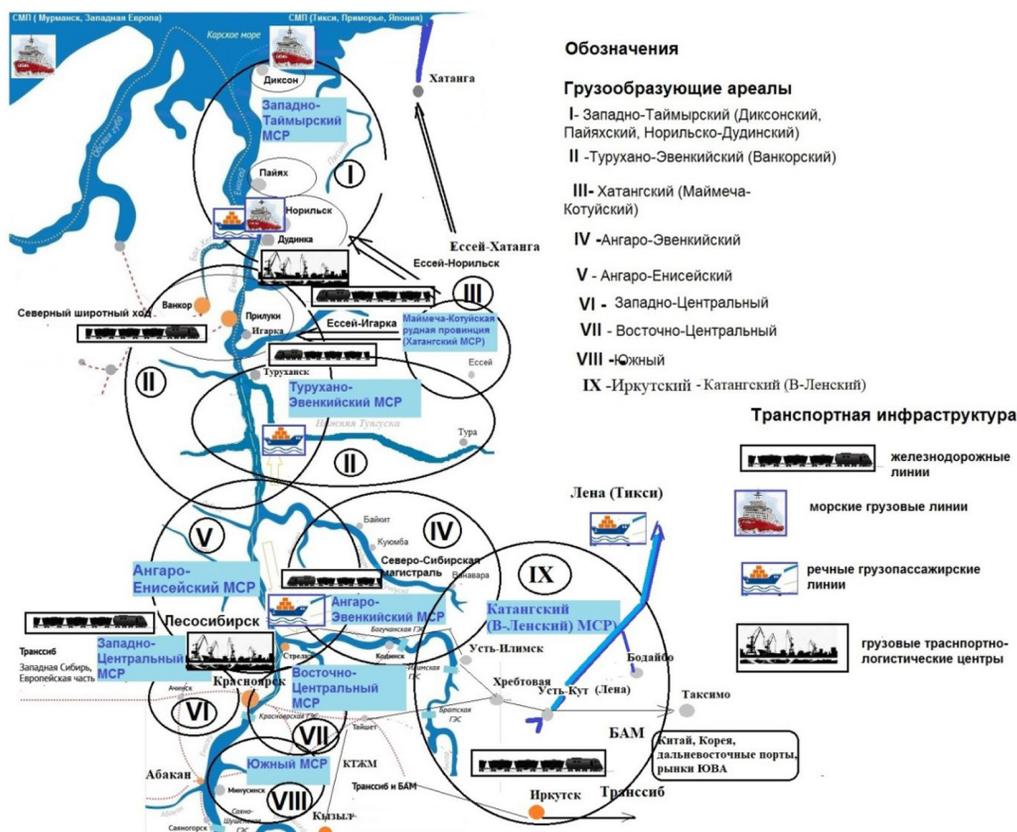

Рис. 3. Мультимодальная транспортная система «Северный широтный ход – Севсиб – Енисей – Северный морской путь» и грузообразующие ареалы примыкающих к ней минерально-сырьевых районов

Fig. 3. Multimodal transport system «Northern latitudinal passage – Sevsib – Yenisei – Northern Sea Route» and cargo-forming areas of adjacent mineral resource areas

- строительство меридиональной железнодорожной магистрали Кызыл-Курагино с продолжением на Монголию;

- создание крупных морских портов и терминалов в районе Диксона для погрузки и вывоза по СМП нефти и угля в порты России и на экспорт;

- увеличение пропускной способности (расшивка «узких» мест) участков Транссиба (Междуреченск – Тайшет);

- развитие внутренних водных путей в совокупности с освоением северных и арктических месторождений Красноярского края и Иркутской области;

- строительство железнодорожных веток от магистралей к крупным месторождениям полезных ископаемых Приангарья и Таймыра (Чуктуконское, Непское, Маймеч-Котуйское и др.).

Мировой исторический опыт показывает, что успешное экономическое развитие территорий, связанных с реализацией транспортных проектов, позволяет привлечь инвестиции в более значительных масштабах и на более выгодных условиях, чем требуется для развития транспортной инфраструктуры. Однако сроки окупаемости крупных транспортных проектов кратно превышают стандартные коммерчески приемлемые нормы. Эта особенность предопределяет главную роль государства и государственных инвестиций в реализации подобных проектов.

Заключение

Важнейшей отличительной особенностью АЕМР являются значительные масштабы пространства. Мощный пространственный фактор макрорегиона не превратился до настоящего времени в фактор устойчивого экономического роста: пространственное развитие происходит на несбалансированной основе, отсутствует системность в управлении пространственным развитием экономики макрорегиона. Раскрытие потенциала развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона (АЕМР), повышение уровня их социально-экономического взаимодействия особенно актуально для обширных в пространственном отношении территорий.

В целом, исходя из существующей политики и имеющихся (достигнутых) результатов, можно сделать вывод, что процесс формирования эффективной устойчивой долговременной стратегии развития АЕМР далек от своего завершения. Появление на федеральном, региональном, ведомственном и корпоративном уровнях разнообразных «стратегических» документов и программ, связанных с движением на Восток и развитием регионов Сибири, наряду с результатами, существенным образом отличающимися от ожиданий, говорит о том, что оптимального и согласованного подхода к их реальному развитию пока что не найдено.

В итоге, несмотря на предпринимаемые усилия, динамика основных показателей экономического развития регионов АЕМР остается нестабильной и характеризуется более низкими уровнями по сравнению с регионами европейской части РФ и Урала.

В настоящее время имеется уникальная возможность придать новый импульс развитию Ангаро-Енисейского макрорегиона за счет эффективного использования богатейших энергосырьевых ресурсов, нарастающего потенциала межрегиональной интеграции, масштабной технологической модернизации экономики, и эту возможность нельзя упустить.

Освоение высоколиквидных природных ресурсов может обеспечивать серьезные импульсы для развития несырьевых секторов региональной экономики, включая инновационный. Для этого требуется совершенствование институциональных условий, в которых протекают инвестиционные процессы освоения ресурсов и хозяйственной деятельности.

Для усиления интеграции субъектов макрорегиона и формирования единого социально-экономического пространства, на наш взгляд, требуется:

- 1) разработка и реализация единой стратегии социально-экономического развития макрорегиона, которая закрепила бы основные положения целевого сценария «Новые возможности» и включила бы клю-

чевые инвестиционные проекты, направленные на интеграцию и сбалансированное развитие макрорегиона;

2) создание государственной корпорации развития АЕМР;

3) создание единого окна для входа инвесторов в макрорегион, формирование единых правовых условий ведения инвестиционной деятельности, унифицированных процедур по созданию бизнеса, единой системы мер поддержки инвесторов для всего макрорегиона.

Основным элементом организационного механизма интеграции макрорегиона является создание государственной корпорации развития АЕМР, обладающей необходимыми полномочиями, но в то же время определенной гибкостью в принятии решений. В задачи корпорации должны входить качественная проработка, обоснование и оценка ключевых инвестиционных проектов, способствующих интеграции и сба-

лансированному развитию макрорегиона, всяческое содействие их реализации, включая прямое участие в их финансировании, способствование формированию межрегиональных кластеров.

Инвестиционный фонд корпорации, необходимый для ее прямого участия в финансировании ключевых инвестиционных проектов, возможно сформировать за счет части рентных доходов, собираемых на территории субъектов макрорегиона. Такой механизм распределения и использования рентных доходов будет способствовать интеграции и комплексному развитию всего макрорегиона. Помимо этого, государственную корпорацию развития макрорегиона следует наделить правом выпуска собственных долговых ценных бумаг, средства от размещения которых будут направляться для финансирования приоритетных инвестиционных проектов.

Список литературы / References

Angara-Yenisei problem [Angaro–Enisejskaja problema]. *Gosplan SSSR. Trudy Pervoj Vsesojuznoj konferencii po razmeshheniju proizvoditel'nyh sil SSSR [USSR State Planning Commission. Proceedings of the First All-Union Conference on the Deployment of Productive Forces of the USSR]*. Moscow, 1932, 16, 414.

Fritsch M., Does R.D Cooperation behavior differ between regions? In: *Industry & Innovation*. 2003. 10(1). 10–25.

Khodachek A.M., Stepanova E.S. Voprosy jekonomicheskogo rajonirovanija s uchjotom Strategii prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii [Issues of economic zoning taking into account the Spatial Development Strategy of the Russian Federation]. In: *Regional'naja jekonomika i razvitie territorij: Sbornik nauchnyh statej [Regional economy and territory development: Collection of scientific articles]*. St. Petersburg, Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut problem regional'noj jekonomiki Rossijskoj akademii nauk, 2021, 1(15), 139–148. DOI 10.52897/978–5–8088–1636–7–2021–15–1–139–148.

Kryukov V. A., Ryzhkov V. A. Sibir' kak opora Rossii: uroki proshlogo i vyzovy budushhego [Siberia as a Pillar of Russia: Lessons from the Past and Challenges of the Future]. In: *Rossija v global'noj politike [Russia in global politics]*, 2022, 20, 1(113), 108–128. DOI 10.31278/1810–6439–2022–20–1–108–128.

Lavrinenko P. A., Mikhailova T. N., Romashina A. A., Chistyakov P. A. Agglomeracionnye jeffekty kak instrument regional'nogo analiza [Agglomeration Effect as a Tool of Regional Development]. In: *Problemy prognozirovanija [Problems of Forecasting]*, 2019, 3(174), 50–59.

Malyshev V.M. *Gipoteza reshenija Angarskoj problemy [The hypothesis of solving the Angarsk problem]*. Moscow- Irkutsk, Vost. – Sib. kraev. izd–vo, 1935. 192.

Materialy Konferencii po izucheniju proizvoditel'nyh sil Irkutskoj oblasti: 4–11–e avg. 1947 g. [Materials of the Conference on the Study of Productive Forces of the Irkutsk Region: August 4–11, 1947]. Irkutsk, Irkut. obl. izd–vo, 1947. 136.

Minakir P.A. Rossijskoe jekonomicheskoe prostranstvo. Strategicheskie tupiki [Russian Economic Space: Strategic Impasses]. In: *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 2019, 15(4), 967–980. DOI 10.17059/2019–4–1.

Novyj impul's Aziatskoj Rossii: istochniki i sredstva razvitija [New impulse of Asian Russia: sources and means of development]. Novosibirsk, Institut jekonomiki i organizacii promyshlennogo proizvodstva SO RAN, 2023. 418. DOI 10.36264/978-5-89665-375-2-2023-011-418.

Pilyasov A. N., Polyachenko A. E. Rajonnyj jeffekt: problemnye voprosy teorii i praktiki [Regional effect: problematic issues of the theory and practice]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. [Lomonosov Geography Journal], 2021, 4, 25-37.

Porter M. Clusters and the new economics of competition. In: *Harvard business review*. 1998. 76(6). 77-90.

Potencial'nye vozmozhnosti rosta Rossijskoj jekonomiki: analiz i prognoz: Nauchnyj doklad INP RAN [Potential Growth Opportunities of the Russian Economy: Analysis and Forecast: Scientific Report of INP RAS]. Moscow, Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovanija Rossijskoj akademii nauk, 2022, 296. DOI 10.47711/sr2-2022.

Razvitie proizvoditel'nyh sil Vostochnoj Sibiri: Obshhie voprosy razvitija proizvoditel'nyh sil [Development of productive forces of Eastern Siberia: General issues of development of productive forces]. *Trudy konferencii po razvitiu proizvoditel'nyh sil Vostochnoj Sibiri 18-26 avgusta 1958 g.* [Proceedings of the conference on the development of productive forces of Eastern Siberia August 18-26, 1958]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960, 172.

Shishatskiy N. G. Povyshenie sbalansirovannosti prostranstvennoj organizacii regional'noj jekonomiki na osnove mezojekonomicheskogo rajonirovanija (na primere Angaro-Enisejskogo makroregiona) [Improving the balance of the spatial organization of the regional economy based on mesoeconomic zoning (on the example of the Angara-Yenisei macroregion)]. In: *Inkluzivnoe razvitie resursnyh regionov* [Inclusive development of resource regions]. Novosibirsk, Izd-vo IJeOPP SO RAN. 2024. 236-250. Available at: URL: <http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2024/022-Inkluziv/5.2.pdf>.

Suslov V. I., Ibragimov N. M., Melnikova L. V. Koalicionnyj analiz i jeffekty mezhregional'noj integracii [Coalition Analysis and Effects of Regional Integration]. In: *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2018, 14(4), 1131-1144. DOI 10.17059/2018-4-6.

Transformacija mirovoj jekonomiki: vozmozhnosti i riski dlja Rossii. Nauchnyj doklad [Transformation of the global economy: opportunities and risks for Russia. Scientific report]. Moscow, Dinamik Print, 2024, 144. DOI: 10.47711/sr2-2024.

Trudy soveshhanija 1906 g. v Irkutske o putjah soobshhenija v Sibiri [Proceedings of the 1906 meeting in Irkutsk on communication routes in Siberia]. Irkutsk, 1908. 479.